

Он попросил брать его с собой, куда бы я ни отправился.

Ещё мгновение назад я думал, что он не хочет жить со мной под одной крышей, а теперь он говорит, что принадлежит мне.

От леденящего отчаяния — к обжигающему счастью. Настоящие качели от льда к огню.

Я шмыгнул носом, сдерживая слёзы. Нынче ночью я и без того выпнул слишком много слёз — расплачусь снова, и он решит, что я разнеженный, капризный ребёнок. Его взгляд жёг так сильно, что я не выдержал и опустил глаза. Потянув его за руку, я тихо прошептал:

— Цзи Минчэнь, обними меня, пока мы спим... Ладно?

Он сжал мою ладонь в ответ:

— Хорошо.

Слуги вошли, чтобы помочь нам умыться перед сном. Сонливость накатила такая, что я едва открывал глаза. Кто-то принялся переодевать меня в ночное платье — неловко и неумело, совсем не так, как обычно это делала Чунли. Приоткрыв веки, я обомлел: никакой Чунли в комнате не было. Передо мной стоял Цзи Минчэнь и осторожно разглаживал отворот моей ночной рубахи. Видно, ему никогда прежде не приходилось прислуживать другим — движения его выходили неуклюжими.

Я тут же поймал его за руку:

— Ты же моя княгиня... Не нужно тебе этого делать.

Цзи Минчэнь тихо откликнулся:

— Позволь мне позаботиться о тебе.

Поправив на мне одежду, он аккуратно закатал мои штанины. Я догадывался, что ничего хорошего там не увижу, но вид налитых темнотой синяков на коленях всё равно заставил меня вздрогнуть.

Цзи Минчэнь нахмурился. И в тот же миг боль из коленей перекинулась прямо в сердце. Он ведь подобен бессмертному, сошедшему с небес, на челе которого не должно быть ни тени печали... Как я могу быть причиной его затаенной грусти?

Я протянул руку и кончиками пальцев коснулся складки между его бровями:

— Не хмурься. Мне от этого только больно.

Он долгим, пристальным взглядом посмотрел на меня, затем принёс горячую ткань и приложил к моим коленям.

Опустившись передо мной на одно колено, он заботливо укутывал ноги компрессом.

Сверху мне были видны его густые, пушистые ресницы, тенью лежавшие на веках, точно маленькие веера. Мягкий свет свечи очерчивал изысканный, будто высеченный из нефрита профиль, а эта глубокая, искренняя сосредоточенность пьянила сильнее хмельного вина. Сердце в груди снова заколотилось как безумное.

Его изящные, длинные пальцы, измазанные целебным маслом, мягко растирали застывшую под кожей кровь. Каждое прикосновение отзывалось во мне сладким, невыносимым трепетом. Я до боли сжал пальцами покрывало, пытаюсь совладать с нездешней, незнакомой тревогой, охватившей всё тело.

Я смотрел на него как заворожённый, не в силах оторвать взгляда и совершенно не слыша, что он говорит. Лишь когда он поднял голову и повторил вопрос, я в смятении отвёл глаза и забормотал:

— Н-нет... уже не больно.

Да и какая уж тут боль, когда от прикосновений его волшебных пальцев всё тело наливалось истомой и зудом.

К тому моменту, как он закончил, ноги мои совершенно онемели. Он снова что-то спросил, но я, невпопад кивнув, поспешно юркнул под одеяло и уткнулся горящим лицом в подушку.

Лишь когда шаги его затихли во внешней комнате, оглушительный стук в груди немного улёгся. Но на смену ему пришёл иной, куда более дикий трепет.

Нам предстоит спать вместе... Но как? Он обещал обнять меня... А как именно? В какой позе? У него ведь повреждены жилы на руках, что если я прижму его и сделаю больно? О чём говорить перед сном?

Пусть нам и приходилось делить ложе в подворье Палаты государственного этикета, тогда он либо лежал без чувств, либо забывался тяжёлым сном от изнурения. Нынче же мы впервые окажемся на одной подушке в совершенно незнакомом месте, будучи в полном здравии и сознании.

Я метался в плену тревожных мыслей, да так испереживался, что в животе снова завязался тугой узел. Впрочем, вскоре я понял, что дело не только в волнении: за ужином я лишь

проглотил пару кусочков сухих сладостей, да ещё и успел прозябнуть на холоде, вот желудок и отозвался резкой тошнотой.

Тихий шорох шагов приблизился — Цзи Минчэнь вернулся в спальню.

Я зажмурился и постарался выровнять дыхание. В прошлый раз он раскусил моё недомогание именно по сбивчивому вздоху, на сей раз нельзя выдать себя.

Край ложа слегка прогнулся под его весом. Я ощутил его близкое тепло. А затем тёплая ладонь легла мне на живот и мягко надавила.

— Тебе нездоровится? — тихо раздалось над самым ухом.

Я разомкнул веки и замер, ослеплённый. Тусклое пламя свечи очерчивало его силуэт сзади. Он сидел на краю кровати, склонившись над самым моим лицом так близко, что я мог пересчитать каждую его ресничку. От него пахло изумительно — сладким, мягким ароматом каштанов, нагретых полуденным солнцем.

— Всё в порядке, — прошептал я.

Он едва заметно изогнул губы в улыбке, а в глазах заплясали лукавые искорки.

— Боишься, что я снова заставлю тебя пить снадобье?

Настоящий бог, сошедший с небес... Насквозь видит мои мысли. Я хотел было отпираться до последнего, но от его улыбки пресеклось дыхание, а мысли окончательно спутались.

— Оно слишком горькое... — только и сморозил я глупость.

И тут же мысленно обозвал себя последним дураком. Это же прямое признание! Но перед такой красотой и очарованием разве можно сохранить хоть каплю разума?

Он повернулся к изголовью и взял оттуда пиалу. В ней оказалась вовсе не чёрная, горькая жижа, а густая, разваренная пшённая каша с тыквой.

— Лекарства не будет. Поешь каши, ладно? Она сладкая.

Заговори он со мной таким тоном — я бы без ропота выпил даже помои. Нежно придерживая меня, он помог мне присесть, прислонив к изголовью, и стал кормить с ложечки — скрупулёзно, шаг за шагом.

Так вот почему он выходил — ходил приказать слугам сварить кашу! Но как он догадался о моём недомогании? Я ведь и сам толком ничего не почувствовал.

— Ты совсем бледный, и губы обескровлены, — ответил он на мой немой вопрос. — К тому же ты сам говорил, что тебе нельзя пропускать приёмы пищи.

Значит, когда он сказал, что запомнил, это были не пустые слова. Его ласковая забота вместе с горячей кашей опустилась в ледяной, измученный желудок, растекаясь невероятной, упоительной сладостью.

Ещё мгновение назад я ломал голову над тем, как вести себя с ним, но когда он потушил свечу и лёг рядом, трепет в груди мгновенно утих, сменившись глубоким покоем.

Я прижался к нему — так естественно и просто, словно сама судьба предназначила нам быть вместе. Словно мы с рождения были созданы для этой близости.

— Мой небожитель... — тихо, совсем по-детски прошептал я в темноте. — Погладь мне живот, а?

— Всё ещё сильно болит?

Он подложил руку мне под голову, увлекая в свои объятия. Через тонкую ткань ночной рубахи его ладонь стала мягко поглаживать мой живот. Мне было так тепло и уютно, но где-то в глубине души зародилось капризное, ненасытное желание — прижаться к нему ещё плотнее, слить наши тела воедино.

И я выдохнул:

— Заберись под рубаху... Погладь прямо по коже.

Едва произнеся это, я вспыхнул до корней волос и готов был провалиться сквозь землю от стыда. Я ведь всегда отличался брезгливостью и терпеть не мог чужих прикосновений, но рядом с ним всё моё существо жаждало безудержной близости. Не подумает ли он, что я совсем потерял стыд?

Я в смущении уткнулся носом в его грудь, зажмурился и замер, затаив дыхание в ожидании ответа.

Его рука на миг застыла, а затем скользнула под подол моей одежды и легла прямо на обнажённую кожу. Без мешавшей ткани я явственно ощутил сухие мозоли на его ладони — их шершавое прикосновение отозвалось во мне волной ласковой щекотки.

Как человек, с детства обучавшийся боевым искусствам, он умело нащупал нужное место и слегка надавил. По животу тут же разлилось приятное, целебное тепло, и боль мгновенно отступила. Я сладко сощурился, точно кот, которого гладят за ушком.

В детстве, когда у меня больного схватывало живот, матушка-императрица точно так же прижимала меня к себе и долго гладила. Это дарило умиротворение. Повзрослев, я привык молча переносить любые хвори. Но сейчас я будто снова вернулся в детство, где не нужно ни о чём беспокоиться, ведь эти объятия — самое безопасное место на свете.

Уплывая в сон, я воображал, будто лежу в лёгком челноке, покачивающемся на глади залитого солнцем озера. Ласковые волны тихо несли лодку вперёд, вокруг плескалась лазурная вода, а над головой простиралось бесконечное синее небо.

Это было невероятно, сказочно красиво.

И, уже проваливаясь в небытие, я отчаянно молился лишь об одном: пусть этот сон никогда не кончается.

<http://bllate.org/book/20619/2131680>